

XX 63
11

Всесоюзная
Библиотечка
имени
В. И. Ленина

Мурзилка

Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов

7
ИЮЛЬ
1943

Скоро Советская страна будет праздновать двадцатипятилетие славного ленинско-сталинского комсомола. Много храбрых защитников родины вырастил комсомол. С этого номера мы начинаем печатать рассказы о героях-комсомольцах.

ОДНА ПРОТИВ ДВЕНАДЦАТИ

Было это 2 октября 1942 года под Сталинградом. Лётчица Буданова возвращалась после трудного боевого задания на свой аэродром. Горючее было на исходе. На исходе были и силы. Следом за Будановой шла её подружка, Кузнецова. Вот и аэродром, можно садиться, а там — отдых. Вдруг Буданова увидела группу немецких самолётов. Немцы направлялись к нашему эшелону с горючим. Они шли клубком. Это значит: они были готовы дать самый отчаянный бой, если им кто-нибудь помешает сбросить бомбы на цель.

«Двенадцать! — сосчитала Буданова. — Что делать?..» Помахала своей напарнице: мол, пропустить нельзя. Та машет в ответ: «Нет горючего» и идёт на посадку.

«Что делать? Что делать? — думает Буданова. — Нельзя пропустить. Там горючее». По немцам она видела, что они ещё не заметили её. «Ну, погибну, а не пропущу», решила Буданова. Зашла со стороны солнца и рванулась в самую середину немецкого клубка. Р-раз! Буданова дала огонь и выскочила вверх через строй фашистских самолётов.

«Немцы нахальны, а трусливы, — говорит Буданова. — Они решили, что нас много. Испугались и кинулись в разные

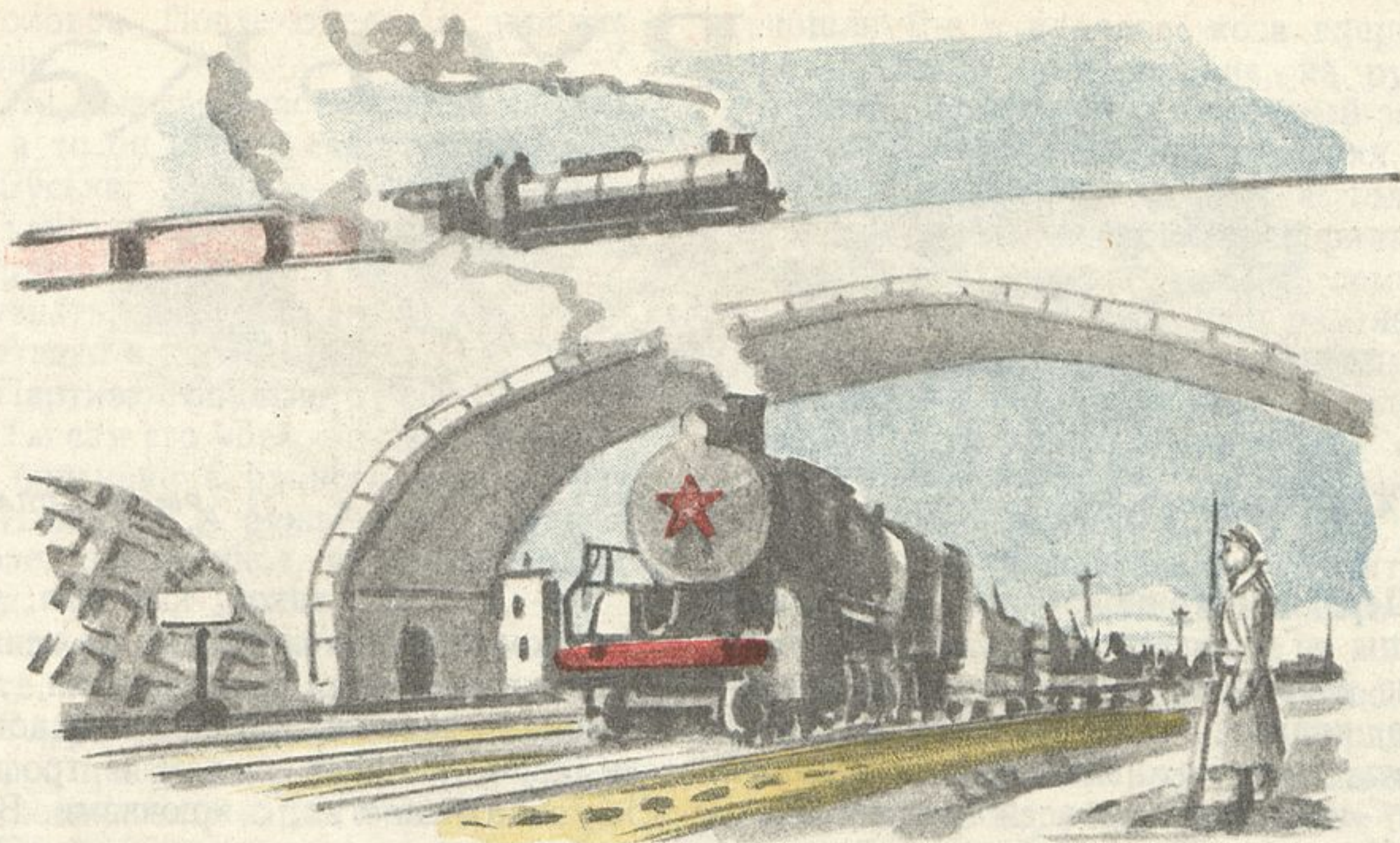
стороны. Гляжу, бомбы посыпались, огонь, дым, и травка внизу горит. Ну, — думаю, — и стыдно же вам будет, когда вы глаза протрёте от страха да увидите, что я одна». А немцы уж и вправду увидели, что это один лётчик на них такой страх нагнал. Да уж было поздно — бомбы они разгрузили в чистом поле. Обозлились немцы, собрались снова в кучу и кинулись все на одного, как вороны. Сплошная струя огня ударила в сторону Будановой. Стреляли все двенадцать самолётов сразу. «Пропала!» решила лётчица. «Ну, уж пропадать, так недаром». Выбрала себе крайний бомбардировщик и пустила в него пулемётную очередь. Закачался самолёт. А немцы предательски бросили своего товарища и снова пустились наутёк.

— Эх, и бесстыдники! — закричала им вслед Буданова. Пустила ещё одну очередь в качающегося немца. Он грохнулся вниз. Буданова пошла домой. И тут только увидела лётчица, что горючее кончилось. «Как довести машину до дому?» Машина тяжёлая, управлять трудно. Кое-как довела её до ровненького места и села. Смотрит, товарищи с горючим едут. Спешат. Подъехали и смеются и обнимают героиню.

Ребята! Так билась за Сталинград комсомолка-лётчица, гвардии лейтенант Екатерина Васильевна Буданова. Катя Буданова родилась в деревне Ко-

ноплянке, Смоленской области. Отец у неё рано умер, и жили Будановы бедно. Школы в деревне не было. Ходила Катя в школу за пятнадцать километров. Обувки нет, одежонка плохая. Но каждый день — и в дождь, и в мороз, и в метель — отправлялась Катя в далёкий путь в школу.

«Идёшь бывало обратно, — рассказывает она, — устанешь, замёрзнешь, под горку бегом, в горку еле тащишься. А кругом волки. Темно станет. Закрутит вьюга. Куда идти — не знаешь. Залезешь на ёлку, привяжешь себя к ней да так и переночуешь». И страшно захотелось тогда Кате лётчицей стать. Вон как они быстро летают! Что им пятнадцать километров! Все смеялись над Катей: «Девчонка лётчиком хочет быть». А Катя кончила семилетку и уехала в Москву, чтобы действительно стать лётчиком. В Москве ей тоже не легко пришлось. Тогда ещё девушек в лётчики не особенно охотно брали. Да и лет Кате было мало. Как стала Катя лётчиком, об этом целый рассказ можно написать. Трудно ей было. Но она стала хорошим лётчиком. Потом сама обучала лётчиков. Выучила летать шестьдесят человек. А когда началась война, пошла на фронт. Много она совершила на фронте славных подвигов. И теперь храбро сражается против немцев на своём истребителе.

НАТАЛЬЯ КОНЧАЛОВСКАЯ

Рис. Г. ЕЧЕИСТОВА

XLIV-709

ПАРОВОЗЫ

Случается братьям друг друга найти.
 Два поезда встретились как-то в пути.
 Один паровоз через мост проезжал,
 Другой под мостом в это время бежал.
 — Иду-у! — на мосту закричал паровоз.
 — Везу-у! — под мостом отвечал паровоз.
 — Братишка, братишка, я встретиться рад!
 По стуку, по звуку узнал тебя, брат! —
 И брат на мосту замедляет свой ход:
 — Да где ж ты пропал? Не видались мы год. —
 И брат под мостом убавляет свой пыл:
 — В ремонте, в ремонте, в ремонте я был. —
 И брат на мосту раздувает бока:
 — Ни разу в ремонте я не был пока.
 Я вымыт, я смазан, проверен и чист,
 И глаз не спускает с меня машинист.
 — Куда же спешишь ты, летишь ты, мой брат?
 — Продукты, продукты везу в Сталинград.
 А ты куда едешь?
 — Сказать не могу,
 Военный секрет берегу, берегу-у-у! —
 И вот разъезжаются братья опять:
 Приказано во-время груз доставлять.
 — Проща-ай! — возле станции брат закричал.
 — Проща-ай! — из-за леса другой отвечал.

РУСЬКА

МИХАИЛ ПРИШВИН

Рис. Н. ХОДАТАЕВА

Деревня Мериново чуть-чуть немцам в лапы не попалась. Проезжал я на-днях возле Меринова, завернул к председателю колхоза чайку попить и кстати узнать, как поживает мой старинный друг—известный по всей области охотник Кумачёв. Пришли мы в избу, сели за стол, и, конечно, то-сё про нашествие немцев и про то, как они нам пятки свои показали. И тут мы с радостью узнали, что жив и здоров старый Кумачёв и ведёт за собой самый отчаянный партизанский отряд из одних только своих молодых друзей-охотников.

— Вот какое мне ружьё от него досталось!—с гордостью сказал председатель и снял со стены отличный дробовик.—Только через кого досталось—не догадаетесь,—и хитро подмигнул.

Председатель наклонился в сторону подпечья и сказал туда, в подпечь, тихо и ласково: «Руська, Руська!» И только вымолвил это слово, из-под печи вышел здоровенный, матёрый заяц-русак.

— Вот, товарищи, через кого мне ружьё досталось.—И рассказал тут председатель нам всю историю.

Было это, когда немцы Москву обходили и их снаряды стали так близко ложиться от Меринова, что один попал даже в пруд. В это время отряд Кумачёва затаился в лесном овраге, а сам начальник пришёл ночевать к председателю колхоза.

— Какой же он стал теперь, Кумачёв, в партизанском-то виде?—спросили мы с интересом.

— А точно такой, как был: рост—колокольня, плечи—косая сажень, ну, глаз, вы знаете, у него один, другой выбило давно пистоном,—одноглазый великан. Пришёл к нам в трофейных немецких сапогах, с крючками. Вот какой молодец, а годов ему уже шестьдесят с хвостиком.

Так вот, случилось это ночью. Все уснули в избе, а Руська вышел из подпечья и принялся работать над сапогами начальника. Что он там нашёл себе, заяц, в немецких сапогах, только не потерпел он их в нашей русской избе и за ночь начисто отделил головки от голенищ.

Поутру первая проснулась жена председателя, Авдотья Трофимовна. Как глянула, так и ахнула: на глазах её заяц кончал сапоги, и какие сапоги—немецкие! А заяц шмыг—и под печь.

— Что вы там шепчетесь?—спросил начальник спросонья.

— Батюшка, прости ты нас! Беда у нас в доме, сказать страшно!

— Что, немцы?—вскочил начальник и схватился за ружьё.

— Какие там немцы,—заяц, родной, заяц! Погляди сам.

Поглядел начальник своим единственным глазом,—головки и голенища лежат отдельно, а вокруг пол усыпан заячьими орешками.

— Вредная тварь!—сказал начальник. И надел сначала голенища, потом головки, концы же голенищ вмял под

края головок. После оделся и зарядил дробовик.

— Ну, вызывай своего зайца на расправу, а то он и твои сапоги съест.

— Руська, Руська!—сказал хозяин.

И, как невиноватый, заяц выходит, перебирает губами, глядит кругло, ждёт узнать, для чего его вызывали.

Партизан в него целится... И чуть бы ещё... Партизан опустил ружьё:

— Ты сам его убей,—сказал он:—мне что-то противно в ручного зайца стрелять.—И вышел. А ружьё так и оставил на столе, заряженное, со взведёнными курками.

Ничего не стоило зайца убить: сидит на месте и что-то жуёт. Хозяин прицелился. Вдруг Авдотья Трофимовна—бац в зайца с пачки валенком. Руська под печь, а хозяин весь заряд в печь ввалил.

— Ты баба неглупая,—сказал он, и с ружьём догонять Кумачёва.

— Ну, вот и всё,—сказал Кумачёв.—А ружьё ты себе на память возьми, может быть, и не увидимся. Прощай.—И ушёл.

В тот же день немцы пошли в атаку, и полетели у нас из окон стёкла со своими наклеенными бумажками крестиками и в ёлочку. Все бегут из деревни в лес, кто с чем. Мы с женой тоже в лес. Со скотиной что делать: тоже по-своему понимают—война! Прижались в углах, трепещут, не хотят выходить. Пришлось бросить—самим бы спастись. И только мы со двора—им без людей страшно: они за нами и выходят из ворот; коза впереди, а за ней и корова. Да так вот

и пошли мы в порядке: коза впереди, корова позади, а посредине, на руках у Авдотьи Трофимовны, любимый заяц.

Долго ли, коротко ли прожили мы так там, в партизанском отряде, только однажды утром перестали снаряды и бомбы со всех сторон наш лес ломать, и на рассвете идёт весь наш партизанский отряд. Впереди Кумачёв, ободраный, чёрный лицом, босиком; в одних немецких голенищах, а на месте стеклянного глаза—дыра: стеклянный-то глаз в горячах потерялся.

— Живо смывайтесь! — кричит. — Немцы далеко, деревня цела, идите домой, очищайте наши землянки.

Мы, конечно, радёхоньки,—живо собрались, идём в прежнем порядке: коза впереди, корова позади, у меня за плечами дарёное ружьё, у Авдотьи Трофимовны на руках заяц.

— Стой, любезный,—дивится Кумачёв,—да никак это Руська?

И только сказал «Руська», заяц повернул к нему голову и заработал губами.

— Я же велел тебе застрелить его, я и выстрел твой слышал... Как же это ты меня обманул? Ах ты, плут!

— Не плут я,—отвечаю,—а это жена пожалела—и валенком в Руську. Он шмыг под печь, а я весь заряд в печь ввалил.

Тогда Кумачёв руку к Руське протянул, почесал у него за ушами и говорит с усмешкой:

— И то хорошо, Авдотья Трофимовна, что вы Руську спасли: сапоги-то он съел всё-таки фашистские.

И. ВАСИЛЕНКО

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

ПРИКАЗ КОМАНДИРА

Круглый стол без скатерти, случайно уцелевший от немецких загребастых рук. На столе блюде с постным маслом и фитильком на краешке. Расправляя шершавой ладонью на столе листик бумаги в клетку, дядя Серёжа шепчет:

— Вот тут, в ложбинке, одних только шестиствольных—шесть штук, а пулемёты—и в избе Гаврюка, и на чердаке мельницы, и на силосной башне. Вот видишь? Где крестик—это пулемёты. А миномёты я кружочками обозначил. Картина ясная. Одно только: как эту картину переслать нашим?

— Да-а, задача!..—шепчет в ответ тракторист Петерчук и вздыхает. От вздоха огонёк мечется по краю блюда и коптит.

— Я пойду,—говорит Дарьюшка из угла, где она наощупь вяжет Гришутке варежки.—Мужчин немцы ни за что не пропустят, а бабу, может, и не тронут

— Всё едино,—тускло отвечает дядя

Серёжа.—Они ни мужикам, ни бабам веры не дают. Придётся, Никита Петрович, нам самим пробиваться. Ты в один конец села, я—в другой. Может, хоть один прорвётся.

У Гришутки сердце стучит так, что в висках отдаёт. Он боится, что его и слушать не захотят. А это так просто.

— Дядя Серёжа,—задыхаясь, жарко шепчет он с кровати,—вы только послушайте... Я от Шилкиного двора пойду... Будто на салазках катаюсь. С горки вниз слечу—и по реке.

С кровати на дядю Серёжу смотрят большие, ставшие вдруг блестящими глаза.

— Убьют,—предостерегающе говорит дядя Серёжа.

— Не убьют, дядя Серёжа, не убьют: я маленький.

— Они и маленьких убивают.

Дядя задумывается, смотрит, сощурился, на огонёк и медленно, как бы про себя, говорит:

— Это надо обмозговать.

— Ты что, очумел?—вдруг вскакивает Дарьюшка.—Отца повесили, мать замёрзла, так и дитя туда же?!

— А ты не горячись,—спокойно отвечает дядя.—Я говорю, надо обмозговать, а не так просто.

☆☆☆

Капитан Палиашвили отмечал на карте только что полученные донесения разведки, когда в избу вошёл дежурный.

— Мальчишка тут один до вас догадается. Требуется к самому главному.

— А ну их!..—отмахнулся капитан.—Отбоя нет от этих юных добровольцев.

— Оно так,—усмехнулся дежурный,—только этот с чем-то другим. Говорит, из Ивановки он.

— Из Ивановки?—насторожился капитан.—Давно?

— Ночью этой.

— О, тогда зови! Зови его сюда!

Но Гришутка уже входил сам. Не говоря ни слова, он сел посреди избы прямо на глиняный пол и принялся стаскивать с ноги валенок. Стащил валенок и, доставая листок в клетку, сказал:

— Дис... как её? Дис-ло-кация. Крестик—пулемёт, кружочек—миномёт, а квадратики—пушки.

— Кто тебе дал?—бросаясь к бумажке, крикнул капитан.

Гришутка вытер рукавом нос, вздохнул и печально ответил:

— Дядя Серёжа... Его немцы убили... А в меня не попали...

☆☆☆

Прошло три месяца. Отгремели орудия у села Ивановки. А Гришутка всё шёл и шёл на запад со своим батальоном. Не захотел оставаться он в родной Ивановке. Никого там больше не было из близких ему.

Сменив форму на свой старый костюм, Гришутка пробирался к немцам в тыл и ходил из деревни в деревню, будто в поисках своих родителей: ко всему прислушивался, ко всему присма-

тривался и всё подсчитывал. А вернувшись, шёл прямо к командиру и, став навтыжку, говорил с суровой деловитостью:

— Приказание исполнил. Разрешите доложить.

Все любили Гришутку, но больше всех привязался к нему сам командир батальона, капитан Лео Палиашвили. Они спали в одной палатке и ели за одним столом. Нередко, слушая рассказ Гришутки о том, как он чуть-чуть не попался фрицам в лапы, капитан говорил:

— Кончено. Хватит. В ближайшем же городе отдам тебя в детский дом.

Гришутка упрямо качал головой и с презрением тянул:

— В детский до-ом!..

— Да ведь убьют тебя, чудак!

— Не убьют,—отвечал уверенно Гришутка теми же словами, что и дяде Серёже.—Не убьют: я маленький.

— И кроме того, тебе учиться надо. Ты вот даже как следует не знаешь таблицы умножения.

— Ну...—Затрудняюсь, что ответить, Гришутка морщил лоб. Потом находилась:—Про таблицу я у лейтенантов спрошу.

Жили они, как настоящие мужчины: не обнажая своей души. Но каждый знал друг о друге его тайну. Проснувшись ночью, Гришутка видел, что капитан сидит за столом и что-то пишет. А на столе, прислонённая к фляжке, стоит фотографическая карточка. Свет огарка тепло озаряет белое лицо женщины, тонкий нос с горбинкой и прямо в душу смотрящие глаза. Хорошие глаза. К утру карточка исчезала, и Гришутке казалось, что тёмноглазую женщину он видел только во сне.

Знал и капитан, к кому тянулась Гришуткина душа, когда сон приглушал в ней всё наносное и оживлял её детский мир. Не раз видел ночью капитан, как, разметавшись в своей постели, Гришутка открывал затуманенные сном глаза и невнятно звал: «Мама!..»

Однажды Гришутка вернулся с разведки бледный. На носу чётко выступили жёлтые веснушки. Рукав его левой руки был в засохшей рыжей крови.

— Ну что, не попадут?!—со злостью набросился на Гришутку капитан.

Он схватил притихшего мальчика на руки и сам отвёз его в госпиталь.

Через две недели мальчик опять был в своей части.

Капитан сказал:

— Завтра ты отправишься с важным поручением.

— Есть,—ответил Гришутка, вытягиваясь по-военному.

Ночью капитан что-то писал, а утром вручил Гришутке пакет.

— Вот. Спрячь это хорошенько. Сейчас тебя отвезут на станцию. Ты поедешь по железной дороге, разыщешь адресата и вручишь ему этот пакет.

— Есть,—повторил Гришутка.

— Там ты получишь новый приказ и исполнишь его с точностью.

— Есть,—опять сказал Гришутка.

Капитан прошёлся по комнате, потом резко повернулся на каблуках и резко, точно отдавая команду, прокричал:

— Командировка длительная. Встретимся не скоро. Но встретимся. И будем опять вместе.

— Есть,—последний раз сказал Гришутка, не смея поднять руку к лицу, по которому текли слёзы. В приказе командира он смутно чувствовал что-то такое, что навсегда разлучит его с батальоном, а может быть и с самим командиром.

Ехал Гришутка долго. Из окна вагона он видел и беспредельные степи, покрытые золотой пшеницей, и тёмные леса, и полноводные реки, и голубые просторы моря, и сверкающие снежными вершинами горы. А до того Гришутка и не знал, ка-

кая она большая и красивая — та самая родина, с именем которой бойцы бросались на железо и бетон немецких укреплений.

Только на тринадцатый день приехал Гришутка к городу, который значился в его командировочном листке. Вышел на площадь, осмотрелся. Бесшумно катятся большие голубые автомобили, зачем-то привязанные вверху к проводам. На маленьком, как собака, ослике едет верхом взрослый человек и что-то неистово кричит.

Гришутка шёл по гладкой, сплошь асфальтированной

улице; по одну сторону её тянулись великолепные дома, по другую висели серые дикие скалы.

Мальчик нашёл нужный дом и постучал в дверь.

— Кето Эули здесь живёт?

— Здесь,—ответила седая женщина, с недоумением рассматривая маленького красноармейца со скаткой шинели через плечо.

— Пакет ему от капитана Палиашвили.

Женщина взмахнула руками, ахнула и, выхватив конверт, убежала.

Гришутка стоял у раскрытой двери и с досадой думал: «Они все такие, женщины: не понимают дисциплины. Ведь ясно было сказано: пакет отдать самому Кето».

Он перешагнул порог и остановился на чистом блестящем паркете. В пыльных сапогах дальше идти было неловко. В соседней комнате кто-то вскрикнул. Потом опять стало тихо. Долго никого не было.

Но вот распахнулась дверь, и показалась высокая стройная женщина.

— Гришутка!—вскрикнула она, как давно знакомому.—Так вот ты какой! О, мне Лео всегда писал о тебе!

— А где же Кето?—с тревогой за пакет спросил Гришутка.

— Кето?—И женщина засмеялась.—Я и есть Кето.

Гришутка думал, что Кето—мужчина, и с недоверием взглянул на хозяйку.

— Вот,—сказала она, подавая записку.—Это было в пакете. Для тебя.

«Приказ», догадался Гришутка. Он развернул записку и медленно прочел:

«Гришутка, приказываю тебе оставаться в доме моей невесты Кето Эули, почитать её, как мать, и ждать моего возвращения. С осени ты определишься

в школу и будешь учиться отлично, как подобает военному человеку. Когда война кончится и я вернусь, то лично проверю, как усвоил ты таблицу умножения и все другие науки.

Твой отец и командир Лео Палиашвили».

Гришутка вспомнил просторы исхоженных полей, дружную жизнь с красноармейцами, и ему показалось, что стены комнат сдвинулись и тесно обступили его со всех сторон.

Угадывая чувства мальчика, Кето заговорила:

— Ты не бойся. Мы будем ходить в горы, даже охотиться. Ведь ты останешься, правда?

И, видя растерянность на лице мальчика, добавила, как последний довод:

— К тому же приказ командира. А ты человек военный. Ну, раздевайся.

Гришутка поднял голову. С белого лица на него смотрели большие ласковые глаза. Хорошие глаза. И то, что он увидел в их глубине, со сладкой болью воскресило в нём самое лучшее, что знал он в жизни: ласку матери.

— Ведь ты не уйдёшь, нет?—настойчиво повторяла Кето.

— Нет,—тихо сказал Гришутка и, подавляя вздох, не спеша снял с плеч вещевой мешок.

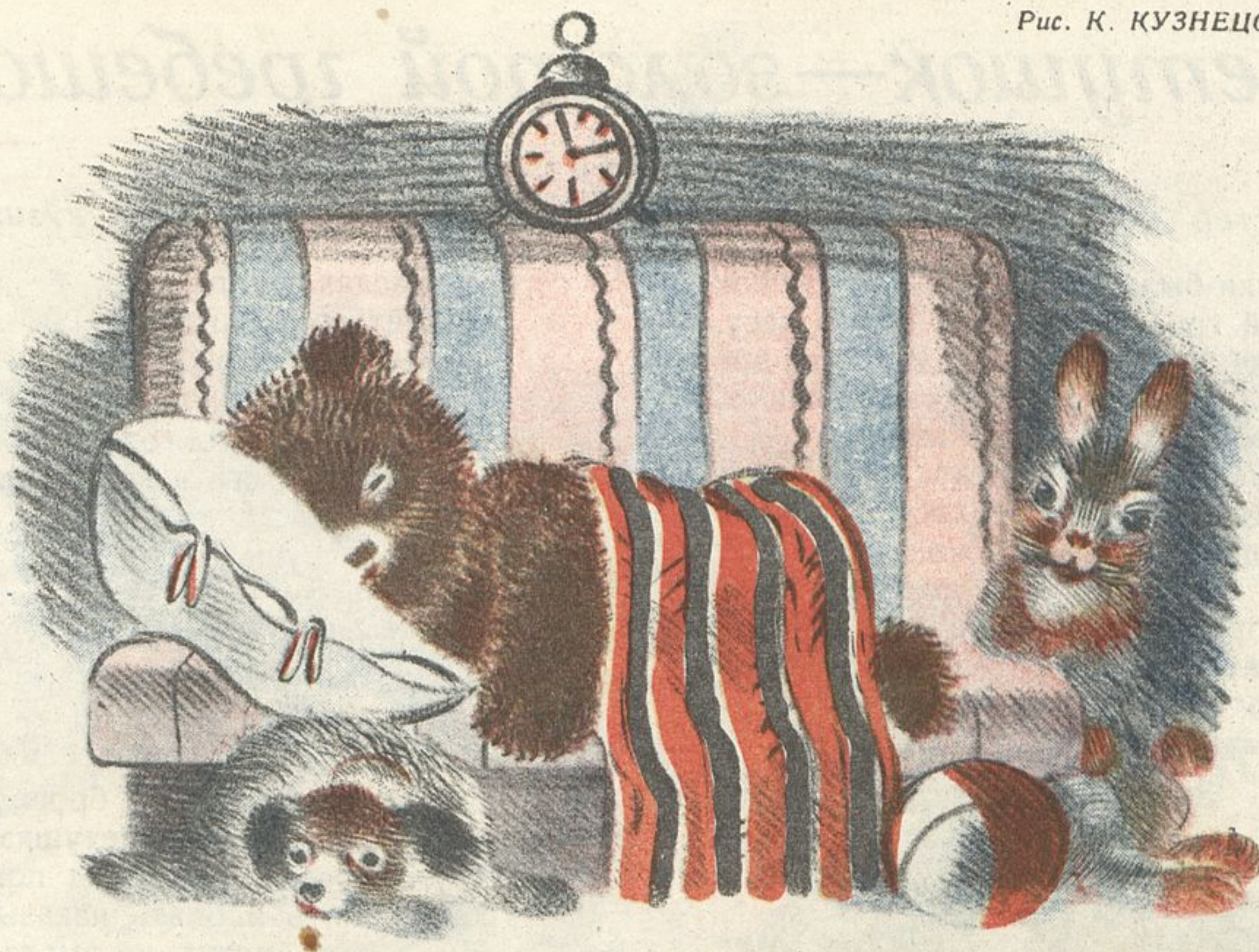
МАЛЫШАМ

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

Для коня для своего
Мне не жалко ничего, —
Ни еды и ни воды,
Ни серебряной узды.

Я его вскормлю, вспою,
Сбрую разукрашу.
Отличимся мы в бою
За отчизну нашу.

Спят в лесу густые ели,
За окошком дремлет клён.

Мишка спит в своей постели...
А какой он видит сон?

С. МАРШАК

БАРАШЕК

— Ты скажи, барашек наш,
Сколько шерсти ты нам дашь?
— Не стриги меня пока,
Дам. я шерсти три мешка:
Один мешок
Хозяину,
Другой мешок
Хозяйке,
А третий — детям маленьким
На тёплые фуфайки!

Рис. В. ЛЕБЕДЕВА

Петушок—золотой гребешок

Русская народная сказка

А. ТОЛСТОЙ

Рис. К. КУЗНЕЦОВА

Жили-были кот, дрозд да петушок—золотой гребешок. Жили они в лесу, в избушке. Кот да дрозд ходят в лес дрова рубить, а петушка одного оставляют.

Уходят, строго наказывают:

— Мы пойдём далеко, а ты оставайся домовничать. Да голоса не подавай, когда придёт лиса, в окошко не выглядывай.

Проведала лиса, что кота и дрозда дома нет, прибежала к избушке, села под окошко и запела:

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,

Масляна головушка,
Шёлкова бородушка!
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок и выставил головку в окошко. Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору.

Закричал петушок:

Несёт меня лиса
За тёмные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услышали, бросились в погоню и отняли у лисы петушка.

В другой раз кот и дрозд пошли в лес дрова рубить и опять наказывают:

— Ну, теперь, петух, не выглядывай в окошко, мы ещё дальше пойдём, не услышим твоего голоса.

Они ушли, а лиса опять прибежала к избушке и запела:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шёлкова бородушка!
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок сидит, помалкивает. А лиса опять:

— Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...

Петушок и выставил головку в окошко:

Ко-ко-ко! Как не дают?!
Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору.

Закричал петушок:

— Несёт меня лиса
За тёмные леса,

За быстрые реки,
За высокие горы...

Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услышали, бросились в погоню. Кот бежит, дрозд летит... Догнали лису,—кот дерёт, дрозд клюёт, и отняли петушка.

Долго ли, коротко ли, опять собрались кот да дрозд в лес дрова рубить. Уходя, строго-настрого наказывали петуху:

— Не слушай лисы, не выглядывай в окошко, мы ещё дальше уйдём, не услышим твоего голоса.

И пошли кот да дрозд далеко в лес

дрова рубить. А лиса—тут как тут. Села под окошечко и поёт:

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шёлкова бородушка!
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок сидит, помалкивает. А лиса опять:

— Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...

Петушок всё помалкивает. А лиса опять:

— Люди бежали,
Орехов насыпали,
Куры-то клюют,
Петухам не дают...

Петушок и выставил головку в окошко:

— Ко-ко-ко! Как не дают?!

Лиса взяла его в когти плотно, понесла в свою нору за тёмные леса, за быстрые реки, за высокие горы...

Сколько петушок ни кричал, ни звал,—кот и дрозд не слышали его. А когда вернулись домой—петушка-то нет!

Побежали кот и дрозд по лисицыным следам. Кот бежит, дрозд летит...

Приютились между веток
Мать и сорок тысяч деток,
Сорок тысяч дочерей.
Дом готовь им поскорей!

Прибежали к лисицыной норе. Кот настроил гусельцы и давай натренькивать:

— Трень, брень, гусельцы,
Золотые струночки!
Ещё дома ли Лисафья-кума,
Во своём ли тёплом гнёздышке?

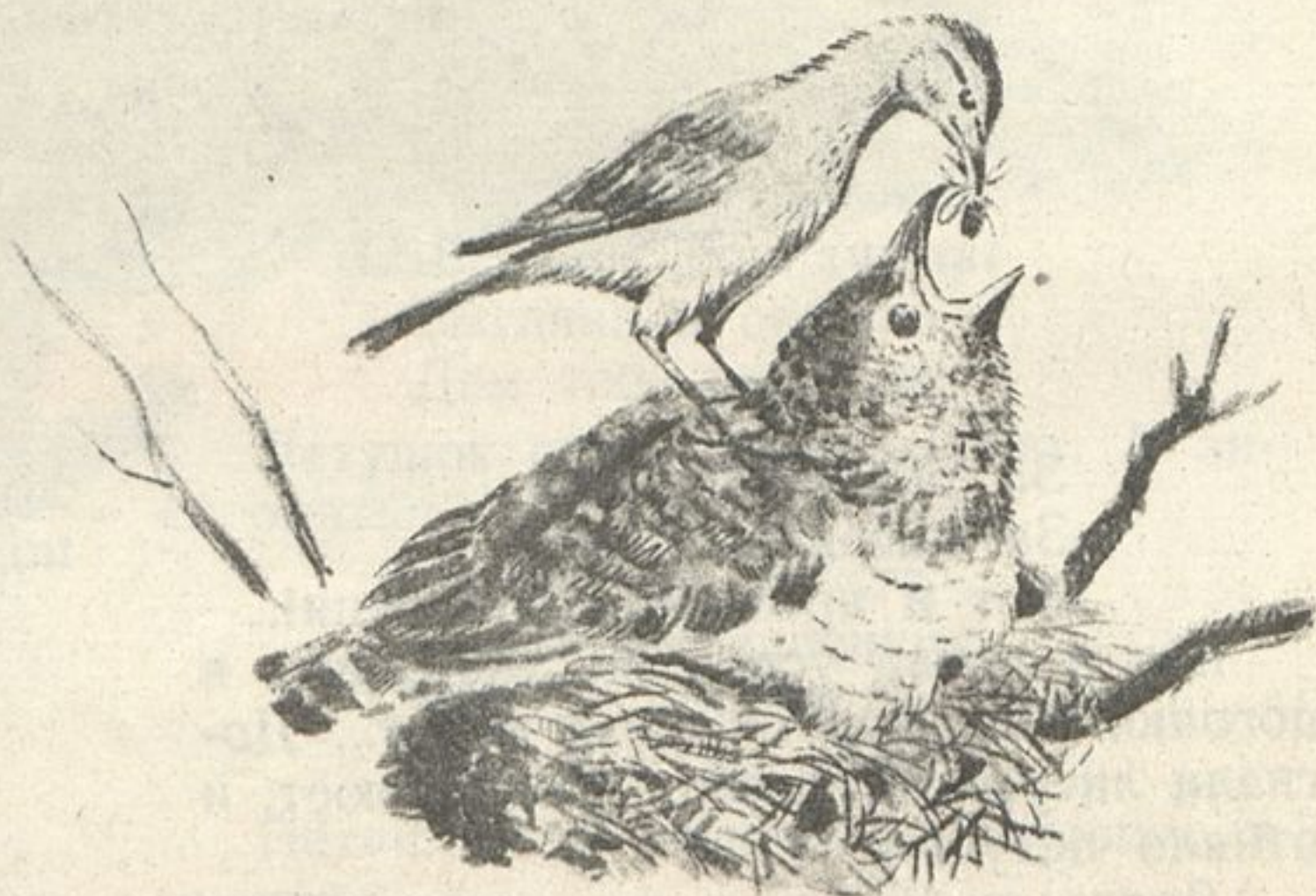
Лисица слушала, слушала и думает: «Дай-ка посмотрю—кто это так хорошо на гуслях играет, сладко напевает».

Взяла да и вылезла из норы. Кот и дрозд её схватили—и давай бить-колотить. Били и колотили, покуда она ноги не унесла.

Взяли они петушка, посадили в лукошко и принесли домой.

И с тех пор стали жить да быть, да и теперь живут.

КТО ЭТО?

Взгляни на этого птенца:
Он втрое перерос отца.
Чтоб накормить такого сына,
Мать взобралась ему на спину.

КОЗЛЕНОК

Догони его попробуй,—
Он по лавкам скок да скок,
Мохноногий, крутолобий,
Востроглазый прыгунок.

Я схвачу его в охапку,
Он же вырвется опять.
Он свалил за печкой тятку,
Прыгнул к мамке на кровать.

Есть захочет — плачет горько:
«Ме-е да ме-е...» Ведь вот беда!
На дворе мамаша Зорька
Кличет жалобно: «Ай-да-а!»

Выбегаем из избушки:
«На-ко, матушка, сынка!»
Он прижмёт крутые ушки,
Мордой тычется в бока.

А наестся, насосётся —
Я открою дверь в избе,
Он опять ко мне несётся:
Мол, скучаю по тебе-е-е!

ЗООПАРК В ДНИ ВОЙНЫ

Н. НАДЕЖДИНА

Рис. А. КОМАРОВА

Шанго — пожарный

О том, как надо тушить зажигательные бомбы, писали и в листовках, и в газетах, и в журналах. Но слон, как ты знаешь, читать не может. Никто слона Шанго правилам пожарной охраны не обучал. И всё-таки он прославился как пожарный на весь зоопарк.

Вот как было дело.

В ту ночь фашисты сбросили на зоопарк много зажигательных бомб.

Всю ночь работники зоопарка были на ногах: кто тушил пожар, кто охранял и успокаивал животных.хлопотливее всего было тем, кто дежурил возле обезьянника. Оказалось, что из всех зверей зоопарка самые отъявленные трусы—это обезьяны.

Что с ними делалось во время бомбёжки! Они, как полоумные, метались по клетке. Повиснут гроздьё на решётке, толкают друг друга. Иная сорвётся, упадёт на пол и сейчас же снова карабкается на решётку.

Здорово струсил и страус. Рванулся бежать, позабыв, что он в огороженном загоне, и с размаху ударился грудью о решётку. Но в зоопарке есть для животных своя скорая помощь. Тут же к пострадавшему страусу пришёл врач.

Что касается хищников—они во время воздушной тревоги держались с достоинством. Белый медведь так же мерно взад и вперёд шагнул по своей клетке. Может, он и волновался, но виду не подавал.

А храбрее всего показали себя слоны—Шанго и Манька. Когда на их участок упала зажигательная бомба, они набрали в хоботы воды и окатили её струей, как из брандспойта.

В Индии, в тропических лесах, где живут дикие слоны, часто случаются лесные пожары. И стадо слонов смело прокладывает себе путь сквозь огонь. Могучие животные хоботами ломают загоревшиеся ветки деревьев, топчут ногами дымящуюся траву.

В крови у индийского слона—не бояться огня. И Шанго и Манька не посрамили своего славного рода.

Как тигр эвакуировался

А тигр эвакуировался. Эвакуировали и других животных.

Отправили их водным путём. Плыла по реке баржа. А на ней самое удивительное общество: тигры, антилопы, медведи, лисицы, попугаи. Все в клетках, кроме одного четвероногого путе-

шественника—слона. Он стоял на палубе, прикованный за ногу цепью к столбу. Взрослый слон весит четыре тонны. Подумай сам: что бы случилось, если бы такой 250-пудовый пассажир вздумал подойти к краю палубы? Он бы перевернул баржу и всех бы потопил. Вот его и приковали, чтоб не разгуливал.

На пристанях во время остановок собиралось много ребят. А когда баржа со зверями снова трогалась в путь, ребята с берега махали шапками и кричали вслед:

— Лев, до свиданья! Слон, до свиданья! Счастливо доехать!

Гибель Володи

Белый медведь холода не боится. Но бегемот, африканец родом, на морозе жить не может. И жирафа не может. И попугаи и обезьяны—все тропические животные. Для них холод—это смерть.

Работники зоопарка сумели сберечь тропических животных в трудную военную зиму 1941/42 года. Доценты и профессора на время отложили свои книги, взяли пилы и топоры и стали вместе с рабочими заготавливать дрова. И в тре-

сучие морозы в помещении у тропических животных было тепло.

Но вот однажды снова завывала над зоопарком сирена воздушной тревоги. А потом грянул взрыв. Брызгами вылетели все стёкла в попугайнике.

И ночью на морозе, в темноте, работники зоопарка забивали фанерами окна. Сняли со своих постелей одеяла—утепляли ими. Никто из попугаев не замёрз.

Погиб только один молуккский какаду «Володя». Помните его, ребята? Он косил на посетителей чёрным, блестящим, круглым, как бусинка, глазом и кричал: «Во-олодя... Во-олодя...» Но погиб Володя не от холода, а от раны. Его ранило осколком. Через два дня какаду скончался.

Переезд бегемота

Все вы знаете стихи Чуковского:

Ох, не лёгкая это работа—
Из болота тащить бегемота...

Зоопарковцы шутят, что это написано про весенний переезд их бегемота. Когда приходило время переводить животных из зимних помещений в летние, самым трудным был переезд бегемота.

Вот как переезжал бегемот до войны.

Сажали его в клетку. Чтоб поднять клетку на грузовик, нужно было пятьдесят рабочих: сто двадцать пудов весит бегемот—не шутка! Опасно было ехать такой тяжёлой машине по дорожкам зоопарка. Там в иных местах под дорожками проходят подземные реки. Не выдержит земля—грузовик с бегемотом провалится. И приходилось ехать в объезд, кругом, по мощёной улице. Выезжал бегемот утром, прибывал на новоселье вечером.

А теперь в зоопарке стало меньше работников. Многие ушли на фронт. Некому и некогда было целый день возиться с перевозкою. И подумали: «А нельзя ли попроще? Время военное. Ничего, пойдёт бегемот и пешком. Не всё на машинах ездить».

По краям аллеи, ведущей из зимнего помещения в летнее, поставили скамейки. За этим барьером из скамеек встали сотрудники зоопарка.

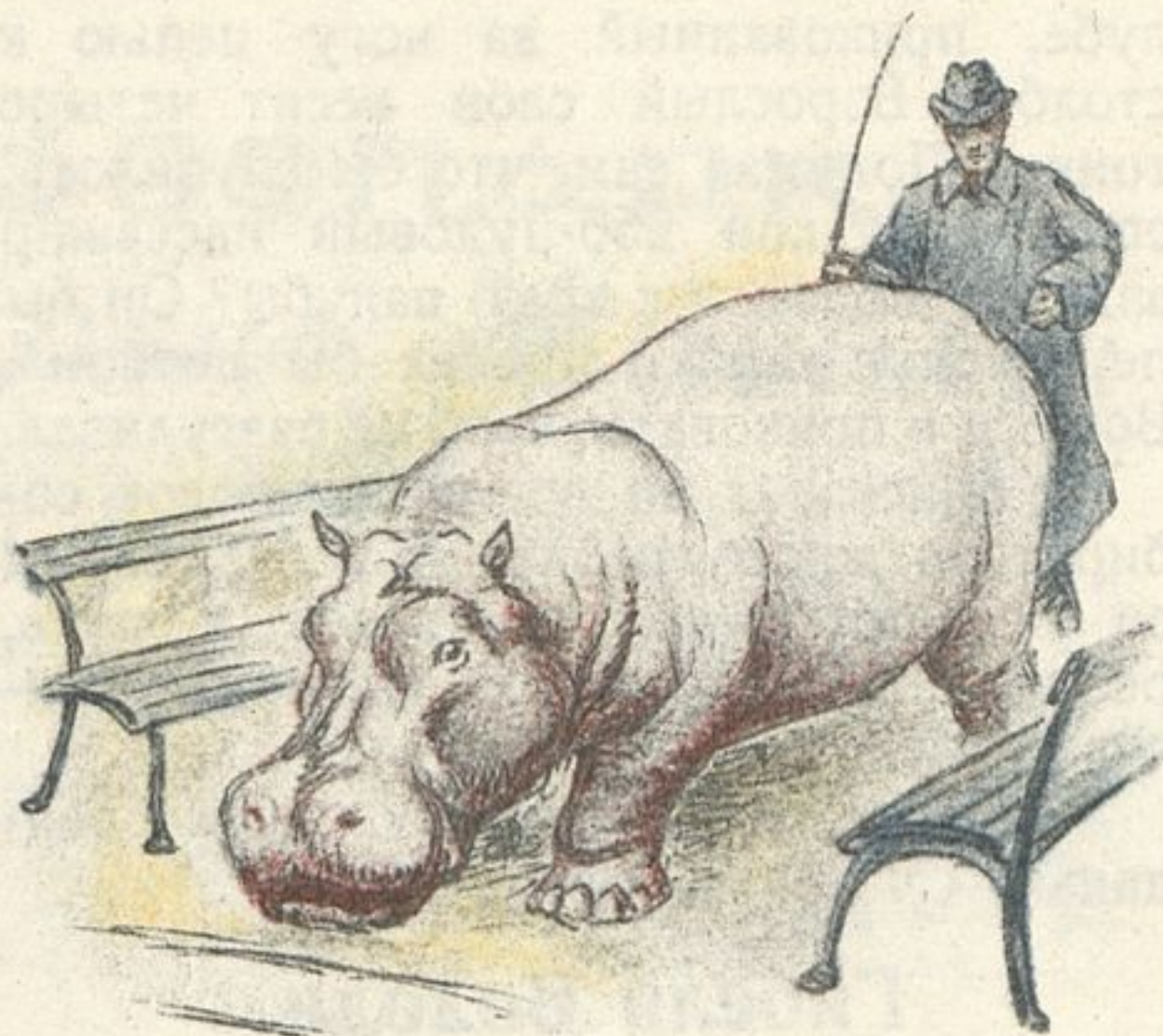
И вот дверь зимнего помещения распахнулась. На дорожку, тяжело ступая, вышел бегемот. За ним шёл заместитель директора зоопарка профессор Петряев. В руках у него был всего-навсего хлыстик. Он подгонял бегемота, как гнал бы свиней пастух.

Так бегемот пешком притопал на новоселье. Долго ли продолжалось путешествие?—Всего пятнадцать минут!

Четвероногие артисты

Для морского льва не даром в пруду рыбу ловят. Он её честно заслужил. Лёвочка—артист. Вместе с собакой Чинкой и учёной лисицей он выступает на сцене перед посетителями зоопарка.

Обычно зверей дрессируют молодыми. Но опытный дрессировщик Николай Петрович Волков выучил восьмилетнего Лёвочку искусно ловить носом брошенный ему мяч. Поймает Лёва мяч и осторожно поворачивает голову, чтоб не уронить его.

Но особенно интересует ребят собака-математик Чинка. Подумать только: она решает задачи на все четыре действия! Дрессировщик раскладывает по сцене большие квадраты картона, на которых крупно написаны цифры.

— Пусть решит на вычитание!— кричат ребята.— Чинка, сколько будет вычесть из пяти три?

И Чинка, побегав по сцене, подаёт дрессировщику квадрат с цифрой 2.

Ещё не было случая, чтоб Чинка ошиблась. Но в чём тут секрет, я не могу рассказать. Иначе Николай Петрович очень бы на меня рассердился.

Чинка, Лёвочка и лисица выступают только у себя дома, в зоопарке. Но есть и выездные артисты. Вечером можно видеть, как по московской улице рядом с красивой рослой лошадью трусит маленький ушастый ослик. Это со спектакля Большого театра возвращаются домой Эмир и Шалуныя. И не явись они в театр, балет «Дон-Кихот» пришлось бы отменить. Ведь артист, который играет роль Дон-Кихота, должен выезжать на сцену на живой лошади, а Санчо Пансо—на настоящем осле.

Значит, без Эмира и Шалуныи не обойтись.

Дорогой Лёшенька!

Получил я твоё , взял сразу и пишу ответ.

Сегодня, как только заглянуло в , мы с папой выпили с ом, спустились по на улицу и сели в . Ехали мы мимо ов, мимо ов, а потом и мимо . Вдруг говорит: — Гудит что-то! Смотрим, — летит над самым ом. А тут под незаметная стояла. зарядили большим ом. Грянул выстрел и густой окутал . Выскочил с ом и спустился к . А это был наш штаб. Попалась фашистская закричали и связали ему . А сгорел без остатка. Вот и всё.

Пиши мне мой дорогой почаще.

Твой Боря.

Ребята! Это письмо прислал художник-фронтовик Борис Федорович Семенов своему маленькому другу Лёше. Прочтите его и ответьте таким же письмом с картинками. Письма шлите к нам в редакцию. А если кто из вас хочет послать письмо прямо Борису Федоровичу, то шлите его по адресу: полевая почта 22201-В.

Шампиньоны.

Опята.

Рыжики.

Маслята.

Белые грибы.

Сыроежки.

Подберезовики.

Лисички.

Подосиновики.

На обложке рис. А. Комарова «В НОЧНОЕ».

Год издания двадцатый.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Редколлегия: А. П. БАБУШКИНА (ответ. редактор), Т. Я. КАРПИНСКАЯ, Л. М. КВИТКО, В. В. ЛЕБЕДЕВ, М. Н. СКАТКИН, К. А. ФЕДИН.

Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К 5-82-91

Подписано к печати 28/VI 1943 г. Л40177. Объем 2,5 печ. л. 2,8 уч.-изд. л. 32 000 зн. в печ. л. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1212.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.

Цена 1 руб.

5 - 12 - 1943